
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XIX

Сборник научных статей по монголоведению
посвящается ведущим российским монголоведам, юбилярам 2017 года
М. И. Гольману, В. В. Грайворонскому и К. Н. Яцковской

St. Petersburg
2017

СОДЕРЖАНИЕ

Монголия в жизни М. И. Гольмана (<i>Е. В. Бойкова</i>)	5
Ведущий монголовед России М. И. Гольман: 90 лет со дня рождения и 65 лет творческой деятельности (<i>Ю. В. Кузьмин</i>)	9
«Вся моя жизнь связана с Монголией и ее народом» (к 80-летию В. В. Грайворонского) (<i>К. В. Орлова</i>)	15
К юбилею Клары Николаевны Яцковской (<i>Л. Г. Скородумова</i>)	19
К. Н. Яцковская и её дорога к познанию Монголии, монголов и монгольской песни (<i>Е. Э. Хабунова</i>)	5
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
Т. Д. Скрынникова. Титулы властной элиты Монголии в летописи XIX в.	29
ФИЛОЛОГИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА	
Т. Г. Басангова. Образ Зара Цецена (Ежа Мудрого) как культурного героя в фольклорной традиции калмыков и ойратов Синьцзяна.	34
Б. Х. Борлыкова. О собирателях калмыцкого песенного фольклора XIX в.	38
Б. В. Меняев. Об исторических протяжных песнях ойратов Синьцзяна (по материалам журнала «Хан Tenggrî» («Хан Тенгер»))	42
А. А. Туранская. Имена монгольских ханов в колофонах уйгурских рукописей и ксилографов	48
Н. В. Ямпольская. О выражении <i>debisker-tür bayulyabai</i> в монгольских колофонах.	51
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	
К. П. Батырева, С. Г. Батырева. Культурное наследие и туризм: войлок в современной художественной практике Калмыкии	56
АРХИВЫ ВОСТОКОВЕДОВ	
Отзыв О. М. Ковалевского о В. П. Васильеве. Подготовка к изданию, предисловие и комментарий — В. Ю. Жу- ков, И. В. Кульганек	62
А. М. Позднеев (1851—1920) в память о Бакши-ламе донских калмыков Менке Борманжинове (1855—1919) (по материалам Архива востоковедов ИВР РАН). Подготовка к изданию, предисловие и комментарий — С. С. Сабрукова	68
РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Н. В. Екеев. Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Народы Евразии: История. Культура. Языки», посвященная 65-летию образования бюджетного научного учреждения Республики Алтай «Научно-исследовательский институт им. С. С. Суразакова», 200-летию со дня рождения алтайского писателя и просветителя Михаила Васильевича Чевалкова.	76
А. А. Туранская. Международная научная конференция «Слова Будды: Изучение монгольского Ганджура» (Бурхан багшийн айлдвар: Монгол Ганжуурын судалгааны олон улсын эрдэм шинжилгээний хурал)	78
Д. А. Носов. Новая литература по монголоведению.	80
ПЕРЕВОДЫ	
Калмыцкие сказки о животных (перевод с калмыцкого Т. Г. Басанговой)	85
В. Инжинаш. Палата красных слез. Роман. Главы вторая, третья, четвертая, пятая (перевод со старомонгольского Л. Г. Скородумовой)	88
Информация об авторах	103

В. Инжинаш

Палата красных слез

Роман

Глава вторая

*Раскрыв сердце, чиновник из провинции излил свои чувства.
Приколов золотую орхидею, верный друг исполнил долг вежливости.*

Итак, Пуюй без памяти упал на кан, а перепуганные Дэцин и Цзиньшу стали приводить его в чувство. Прошло полчаса, прежде чем Пуюй открыл глаза, и тут же у него началась сильная рвота. Дэцин велела принести воды. Биньху принялась массировать Пуюю спину. А Пуюй, едва придя в себя, стал громко плакать. Дэцин напустилась на служанку:

— Паршивка! Сама не знаешь, что болтаешь. Ты что, видела, как барышня Лумэй упала в колодец? То, что у колодца нашли ее гутал, ничего не значит!

— Не могли же они вместе с Хуамэй броситься в колодец! — добавил Цзиньшу.

Как ни успокаивали они Пуюя, как ни урезонивали, он продолжал кричать и плакать. А потом громко зарыдал.

— Не надо его трогать, — сказала Дэцин мужу, — пусть выплачется.

Пуюй плакал, пока не пересохло в горле. Биньхун принесла чай.

— Успокойтесь, молодой господин, — я солгала, — оправдывалась Биньхун, — барышня не утонула, она к мужу ушла.

Эта глупая болтовня всех насмешила. Ужинать Пуюй отказался, но Дэцин заставила его выпить вина, чтобы он спал ночью, отвела в кабинет и уложила в постель.

Пуюй в дороге устал, да еще расстроился, поэтому сразу опьянел и быстро уснул. Но среди ночи проснулся. За окном шумел дождь. В комнате было холодно и сумрачно. Служанки Юйцин и Баоцзянь крепко спали. Пуюй снова подумал, что это из-за него Лумэй так долго себя берегла, и вот чем все кончилось. Сердце так заныло, будто его пронзили тысячи стрел. Он стал колотить руками подушку, тюфяк. А когда прикрыл на миг веки, ему послышались вопли:

— Пуюй, Пуюй, как ты жесток!

Пуюй открыл глаза и увидел девушку в белом платье, с распущенными волосами и опухшими за-

плаканными глазами. Пуюй вскочил, присмотрелся. Сомнений нет — это его любимая, самая близкая его подруга, сестрица Лумэй. Пуюй, плача, взял ее за руку:

— Сестрица, сестрица, клянусь, я не виноват!

— Не виноват? А из-за кого же все мои беды?

Они оба зарыдали. Тут зашевелилась бамбуковая занавеска, и в комнату вошла Хуамэй. Тоже с распущенными волосами. Она оттолкнула Пуюя и схватила Лумэй за руку:

— Пойдем отсюда. Нечего разговаривать с этим негодником.

Она увела плачущую Лумэй. Пуюй растерялся, закричал: «Не уходи» — и проснулся. А когда прислушался, оказалось, это кричал петух. Уже рассвело, служанки давно проснулись. Пуюй был в слезах, даже подушка намокла.

Утром, едва позавтракав, Пуюй попрощался и сказал, что поедет во дворец Цзинь взглянуть на злополучный колодец. Но Цзиньшу возразил:

— Не надо туда ехать. В усадьбе Цзинь восемь колодцев. Этот — в западном углу сада. Он самый глубокий, даже дна нет, под ним родник. Тридцать два канала отводят воду в озеро. Было несколько случаев, когда в нем тонули. А после смерти сестрицы там по ночам воют черти. Вот Цзинь и приказал засыпать колодец землей. А поскольку в доме не прекращались несчастья, решил взять семью и уехать навсегда. Ворота завалили камнем, а жители теперь обходят это место.

— Но ведь чертей нет. Это люди придумали, — возразил Пуюй, — откуда же они там возьмутся?

— Есть или нет, — ответила Дэцин, — тебе делать там нечего. Тем более что идет дождь. Да и когда теперь мы увидимся? Побудь еще хоть денек, — она опять уронила слезу.

— Я бы не прочь, — ответил Пуюй, — но отец ждет. А послушаться я не могу. Нынче прохладно, моросит дождь, ехать будет хорошо.

Дэцин поняла, что Пуюй не может остаться, пошла в комнату и принесла небольшой пакет.

— Братец, передай отцу это письмо. Он уже немолод. Ехать за тысячи ли нелегкое дело. Ты не маленький. Должен вести себя, как настоящий мужчина, который носит шапку и пояс, должен уметь себя сдерживать. Ты — единственная надежда отца с матерью.

Пуюй слушал, кивал головой и поддакивал. Прощаясь, он тоже всплакнул. И вот всадники тронулись, держа путь на юго-запад.

Природа словно бы грустила вместе с Пуюем. Холодный ветер выл, свистел, дождь затянул свою монотонную песню. Едва различимо вырисовывались мрачные силуэты гор. Мысли о Лумэй не покидали Пуюя, и по лицу его текли слезы, смешиваясь с дождем. Как тут не вспомнить случай, когда танский император Минхуан под морозящим дождем проезжал мимо Палаты мечей.

Спустя некоторое время Пуюй увидел коляску князя Бэня. А тот, опасаясь, что сына задержит дождь, решил сделать остановку. Пуюй рассказал отцу обо всем, что узнал, о несчастьях семьи Цзинь, о том, что они не вернутся больше в эти края, что их дом в запустении. Князь с тяжелым вздохом сказал:

— Такова участь каждого, кто богат и знатен, но глуп и невежествен.

Князь спросил сына, как поживают Дэцин и ее муж. Пуюй и об этом подробно рассказал, после чего отдал отцу письмо. Дэцин просила отца не ездить на юг.

— Разве может женщина понять, что я не по своей воле еду, — проворчал он, теребя бороду.

Через несколько дней они прибыли наконец в столицу.

Пуюй ехал верхом, внимательно глядя по сторонам. Все чисто одеты — в халатах и шапках. Лавки ломятся от товаров, с виду не уступающих небесным сокровищам, а сколько разного люду! Их встретил Гун Гао, приехавший раньше, сказал, что ночлег для них приготовлен неподалеку от городской стены. Решено было заночевать, а утром поехать в городскую управу.

Многие чиновники уже прибыли, управляющий всех поименно переписал и списки передал во дворец. В высочайшем указе сказано было следующее:

«Чиновникам надлежит явиться на аудиенцию к государю с донесением о положении на границах».

В каждое из шести ведомств была послана заранее заготовленная деревянная дощечка. Ее вручали чиновнику, которому надлежало явиться во дворец.

Перед тем как сесть за донесение на высочайшее имя, князь вымыл руки, зажег благовония, собрался с мыслями и принялся за дело. Вот что он написал:

«Я постоянно слежу за порядком в нашем крае. Здесь нужна гибкость. Дашь волю богатым — станут обманывать, будешь потакать бедным — сопьются. Главное — не допускать крайностей и соблюдать равновесие, не ослаблять контроль, иначе неизбежны неприятности. Приструнишь богатых — сам ослабнешь, и чернь выйдет из повиновения. При-

жмешь бедняков — пропадет вера в милость. И все же строгость нужна чаще беднякам, а богачам — милость. Милость надлежит оказывать по справедливости, учитывая и грехи, и заслуги. Строгость проявляй осторожно, зная меру. Тогда наказаний будут бояться, а милостям радоваться. Поступать следует согласно обстоятельствам, в одном случае применять строгость, в другом даровать милость. Только так можно в народе поддерживать веру и развивать все то лучшее, что в нем есть, искоренять алчность и зло, соблюдать меру во всем, учить людей правдивости, усердию, честности и верности. Есть еще в провинциях воровство и ложь, но немало людей преданных и богобоязненных».

Пуюй стоял рядом и растирал тушь для отца.

— Ты понял, что здесь написано? — спросил князь.

— Не все, — ответил Пуюй. Князь весело рассмеялся.

В тот же день из Либо прибыл гонец и сообщил, что на следующий день необходимо подняться в середине часа быка, а к часу тигра быть у ворот Золотых облаков и ждать высочайшего приема. Обычно перед аудиенцией чиновников целых три дня заставляли репетировать предстоящую церемонию во дворце, но наши нойоны там бывали не раз, и их избавили от этой необходимости.

А теперь расскажем о государе. Каждый день ему приходилось решать множество важных вопросов, он вставал в начале часа тигра, в середине этого часа выходил погулять, а в начале часа зайца принимал чиновников, иногда одного из них либо по очереди, например, ездившего в провинцию с проверкой, а затем военачальника либо сразу всех, после чего чиновники покидали дворец и разъезжались. В середине часа дракона государь отправлялся во внутренний кабинет, где просматривал особо важные бумаги. В час лошади он принимал трапезу, а в конце часа курицы ложился почивать. В середине часа собаки государь отправлял всех евнухов и наложниц. И так каждый день. Строгой жизнью и заботами о благе страны государь мог сравниться с Яо и Шунем.

И вот в назначенный день четыре гуна и князь-хоу встали в середине часа быка, оделись в соответствии со званием, сели в коляски, запряженные лошадьми, выехали из храма Блестящей верности и, минуя улицу Чанъань, направились на запад, затем свернули на север и, проехав мост у ворот Восточного процветания, вышли из колясок.

Тем временем в ворота входили сановники и министры. Старых министров несли в паланкинах, некоторые генералы ехали верхом. Процессия была красочной и торжественной, одеяния сверкали, как звезды. Советник министерства встретил прибывших и повел за собой. Пройдя множество палат и беседок и миновав еще одни ворота, они остановились у дворца Защиты гармонии.

Чиновники, держа наготове папки с донесениями, стояли под галереей Небесной чистоты и ждали.

Вскоре появились чиновники императорской канцелярии, взяли донесения и удалились. Прошло еще немного времени, и евнухи вынесли позолоченный короб, из которого градом посыпались донесения. У государя остались только донесения главного цензора и верховного судьи. Сяодигуну было приказано ждать, когда его вызовут. Вдруг на галерею выбежал евнух и высоким голосом крикнул:

— Цингуна и Цзян Шимэя просят предстать перед государем!

Из толпы чиновников, сказав «да», вперед вышли двое. Один смуглый, худощавый, живой человек. Сияющие, словно звезды, глаза, белоснежная борода, мудрость во взгляде, как и подобает государственному мужу. Шапка с шариком из красного камня, с двумя павлиньими перьями, сзади украшена лентами. Красный с серебристым отливом шелковый халат расшит девятью драконами. Поверх халата куртка, пояс из тончайшего шелка. На ногах — гуталы на толстой подошве с загнутыми кверху носами. Это был прославленный полководец, военный министр Цингун.

Второй, которого вызвали, с продолговатым лицом, большим носом и длинной бородой, весь был, как говорится, в бархате и шелке, а изо рта у него, казалось, вместе со словами вылетают жемчуг и золото. Шапка с коралловым шариком, длинная парчовая безрукавка с вытканными на ней бессмертными журавлями, пояс, весь в драгоценных камнях, так и сверкает. На ногах гуталы — квадратные носы загнуты вверх. Это был один из служащих империи, пожалованный титулом «Защитник престолонаследника», министр чинов Цзян Шимэй.

Итак, оба чиновника, услышав приказ, поправили шапки, подобрали четки, взобрались, поддерживая полы, на высокую галерею и, мягко ступая, словно пританцовывая, вошли в кабинет.

Пуюй между тем стоял рядом с отцом и с интересом на все смотрел, не переставая удивляться. Вдруг за спиной он услышал:

— Ты кто такой? По какому делу явился?

Пуюй быстро обернулся и увидел человека с незаурядной внешностью. Светлое лицо, разделенная надвое борода, худощавый, широкоплечий, в шапке с хрустальным шариком, подпоясан розовым поясом, на поясе — расшитый золотом кожаный кошелек. Это был Гуй Фэньгуй, сановник министерства чинов.

Пуюй отвесил поклон и отрекомендовался. Сановник с улыбкой сказал, что идти дальше нельзя. Пуюй успел заметить в руках у него длинный поднос с белыми костяными табличками. На табличках значились имена, возраст и ранги четырех князей. Таблички были перевязаны широкой желтой лентой. Пуюю, когда он поинтересовался, ответили, что таблички приготовлены для доклада императору.

Оказалось, что желтый цвет символизирует высочайшую аудиенцию. Пока Пуюй разговаривал с сановником, появился канцлер Цзян и знаком велел четверем князьям следовать за ним. Пройдя через во-

рота Лунного блеска, они повернули направо, вошли в ворота Следования долгу и подошли к палате Восточных помыслов. Там был разбит сад, а посреди сада стояли на каменных постаментах два драгоценных треножника, в которых курились благовония под названием «Драконова слюна».

Вслед за канцлером князья поднялись на галерею и опустились на колени, обратясь лицом к северу. Канцлер Цзян боком вошел в кабинет, у драгоценного трона встал на колени и поднес императору таблички с именами. Князья по очереди, соответственно рангам, доложили свой возраст, заслуги по службе и количество наград. Затем Цзян подал донесения князей, которые приняли приближенные евнухи. Князья стояли на коленях, не смея поднять глаз на Сына неба. Они видели только Цзяна, стоявшего на коленях лицом к северу, и шарик на его шапке, который подрагивал. Сын Неба долго смотрел на князей и молчал, затем прочел донесения. Никаких указаний не последовало, приближенный министр махнул рукой, чиновник тихонько вывел князей, они спустились с правой стороны галереи, прошли той же дорогой, вышли через те же ворота и остановились в ожидании приказа. Через некоторое время появился евнух и громким голосом провозгласил:

— Слушайте указ! Пусть князь Бэнь, преданный и верный, шестидесяти лет, скажет, есть ли у него сыновья. Если есть, то в каком чине?

Князь Бэнь быстро опустился на колени и ответил:

— Есть один сын, девятнадцати лет, по имени Бэнь Пуюй. Прибыл вместе со мной. На службе пока еще не был.

Пуюй тоже опустился на колени.

Евнух окинул его внимательным взглядом и удалился. Вскоре появился военный министр Цингун.

— Князья! Слушайте и внимайте!

Все четверо тотчас опустились на колени, повернувшись лицом на север, и Цингун объявил указ:

«Князь преданный и верный, Бэнь, хотя и стар, но по-прежнему проявляет усердие, имеет воинское звание, и мы считаем его опорой престола. Посему даруем ему титул князя Ханчжоуского, а также печать с изображением головы тигра. А сыну его Пуюю, которого он привез, дабы отдать на государственную службу, приказываем пожаловать звание охранника второй степени и павлинье перо на шапку, Сяодигуна за большие заслуги перед государством произвести в начальники военного округа провинции Чжэцзян, и пусть сразу же отправляется к месту службы. Остальные могут вернуться к себе».

Князья поклонились, поблагодарили за высокую милость. Чиновник надел на Пуюя шапку и плащ, повязал пояс. Пуюй тоже поклонился в сторону дворца.

Князь Бэнь, увидев сына в этом одеянии, не мог скрыть своей радости. Пуюй и в самом деле преобразился. Все стали расходиться. Друзья князя и другие чиновники наперебой поздравляли его. Весть быстро распространилась, и встречавшие их у ворот слуги радовались и ликовали.

Когда приехали на постоянный двор, оказалось, что Гун Гао и Ма Чжу устроили для слуг угощение по случаю праздника. В свою очередь, князь Бэнь всех наградил, после чего решил взять сына и отправиться на встречу с друзьями.

К воротам то и дело подъезжали коляски, запряженные холеными лошадьми. Гун Гао не успевал благодарить за поздравления.

В один из дней Пуюй отправился к господину Гуй Фэню поблагодарить за милость, а заодно вернуть одеяние, которое тот дал ему на время аудиенции.

Этот молодой господин, который жил на улице Сладкого колодца, рядом с воротами Восточного спокойствия, доводился племянником военному министру Цингуну. Вся их семья происходила из старинного рода. Гуй Фэнь как раз пришел со службы и передевался. Услышав, что пожаловал младший господин Бэнь, он быстро оделся, широко улыбаясь, вышел к Пуюю, провел его в кабинет, между ними завязалась беседа.

— Вы оказали мне большую услугу, — сказал Пуюй, — и я весьма признателен Вам за вашу доброту.

— В трех перерождениях мне дарована счастливая судьба, так стоит ли благодарить за такой пустяк!

— Я ведь глупый ничтожный человек, — ответил Пуюй, — а вы облагодетельствовали меня, озарили жизнь мою ярким светом, и мне так жаль с вами расставаться.

— Господин, вы принадлежите к знатному роду. А мы — глупцы, сорная трава. Я готов вести с вами разговор бесконечно.

Пуюй с поклоном проговорил:

— О, что вы! Зачем такие слова! Ведь вы — опора государства, вы словно священный нефритовый сосуд, а снизили до меня, ничтожного, и разговариваете, как с равным.

Так они расточали друг другу любезности — оба прекрасные, благородные, как орхидея и золото.

Пуюй хотел было откланяться, но Гуй Фэнь взял его за руку и не отпускал, велел принести вино и закуску, усадил гостя и продолжал беседу.

Пуюй обвел взглядом комнату. Она была небольшой, мебель низкая — столик, старинная курильница и ваза с двумя ушками. Изящно разложены декоративные камни тайху. На стене портрет древнего мудреца Гуаньчжуна. По обеим сторонам парные надписи:

Кто проник в дела мира, тот исполнен мудрости.

Кто познал душу человека, тот останется в письменах.

Беседа текла легко и свободно. Хозяин и гость так пришли по душе друг другу, что решили написать свои имена, день и час рождения на красных листках бумаги и обменяться ими.

Гуй Фэню уже исполнилось двадцать восемь, он был старше Пуюя на девять лет. Поэтому Пуюй, как младший, поднял бокал и произнес тост в честь Гуй Фэня. Они толковали о прошлом, о настоящем и в конце концов решили объявить себя названными братьями.

Гуй Фэнь проводил Пуюя домой и приветствовал князя. Тем временем князь, управившись со всеми делами, собирался в путь. Домой он послал человека передать княгине Цзинь, что пора снаряжать лодку и отправляться на юг, куда направится и он сам, как только получит печать и казенные бумаги. Еще он велел передать жене, какая выпала им с сыном радость. В скором времени помощник министра дворов Цао послал к князю Бэню слугу с письмом, где говорилось:

«Канцлер Дай видел Вашего сына у государя на аудиенции и решил отдать ему свою дочь в жены. Если Вы, старший брат, согласны, я пришлю сватов».

А этот Цао, надобно вам сказать, был сватом у сына начальника области Янчжоу, когда выдавали замуж Шицин. Князь уже склонен был принять предложение, но решил посоветоваться с Пуюем. Однако Пуюй сидел молча, опустив голову — все его мысли были заняты любимыми сестрицами.

Князь рассердился и начал сына ругать, но вскоре позвал посыльного и велел передать чиновнику:

— Благодарим за любезность, но сына мы уже просватали.

Итак, опасность на сей раз миновала, однако не обошлось без препятствий. Но об этом речь впереди.

Еще через несколько дней князь Бэнь получил казенные бумаги в министерстве чинов, в министерстве дворов ему выдали деньги — двадцать тысяч лянов серебра на укрепление морской обороны. Князь тотчас же собрался в путь, как вдруг явился Ма Чжу и сообщил, что князя пришел проводить министр наказаний, его превосходительство Сун. О том, что случилось дальше, вы узнаете из следующей главы.

Глава третья

*Если прекрасный феникс улетел, сколько ни зови, он не вернется.
Когда придет весна, снова ярко засинеют небеса.*

Итак, к князю Бэню пожаловал его давний друг министр Сун. Обменявшись приветствиями, сели и завели разговор.

— По приказу императора, ваше превосходительство, я собираюсь ехать за тысячи ли на окраину вы-

полнять свой служебный долг, — промолвил князь Бэнь. — Каковы будут Ваши напутствия?

— Затем я и пришел к Вам, мудрейший, чтобы дать несколько советов. Велика милость императора, почетна служба, строг и справедлив мой друг. Но в

прозрачной воде рыба не водится, при жестких законах люди не могут жить в мире. Запомните эту мудрость, она вам поможет. Мелкие провинности следует прощать, в любом деле доискиваться до причины. Что еще вам сказать на прощание? Вы, друг мой почтенный, исполнены мудрости. Советую Вам не забывать о Жэнь Шане времен династии Хань, он хотел помочь Баньчао завоевать западные края, но не прислушался к его предостережениям и вызвал мятеж.

Князь Бэнь внимательно слушал и улыбался, а потом произнес:

— Ваши высокоумные поучения навсегда останутся в моей душе.

Друзья еще немного поговорили, выпили чаю, после чего Сун удалился.

Этот поистине мудрый министр посвятил свою жизнь служению государству. Его советы, на первый взгляд не такие уж важные, оказались для князя очень полезными. Теперь он понял, как хранить верность другу и преданность государю, как быть мудрым и дальновидным в государственных делах, как заботиться о подданных.

Не успел уйти господин Сун, как явился начальник отдела Гуй Фэнь, он пришел проводить Пуюя. Тем временем князь Бэнь из запретного города уже выехал во внешний город и направился в округ Тунчжоу.

Хозяину полагается провожать гостя на расстояние в сорок ли, поэтому Гуй Фэнь ни за что не хотел возвращаться, как ни просил его Пуюй. Расстались они у Тунчжоу, на прощание выпили вина.

Тем временем Гун Гао, выехавший первым, уже приготовил две большие лодки для князя и его людей. Грянула музыка, взлетели весла, и лодка отошла от берега. Лишь после этого Гуй Фэнь сел на коня.

Лодка все удалялась и удалялась, и Пуюю стало грустно. Так не хотелось расставаться с верным другом, и он то и дело вздыхал.

Но оставим пока князя Бэня и Пуюя и расскажем о другом.

Слуга, посланный князем домой, прибыв на место, наклеил на стену красный лист бумаги с радостной вестью. И вскоре все устремились во дворец князя Бэня с поздравлениями.

Княгиня Цзинь была вне себя от радости. То и дело приезжали родственники. У ворот останавливались коляска за коляской. Княгиня не могла найти ни минутки, чтобы собраться в дорогу.

А тут еще из столицы прибыл старик Иминь. Княгиня приказала позвать его, но Иминь прямо у окна опустился на колени, поприветствовал княгиню и все по порядку ей рассказал, после чего передал письмо от князя. Прочтя его, княгиня вызвала управляющего Хуанмина и приказала снарядить лодки, чтобы через день отправиться в путь. Но вдруг появилась Шу Эрнян и доложила, что пришла Мяолуань. Юйцин поспешила ей навстречу. Черные волосы Мяолуань были аккуратно уложены на висках в пучки в форме облаков, их украшал белый пион. По-

верх шелковой кофты — длинная безрукавка из черного шелка. Молодая женщина вошла плавной походкой, у нее по-прежнему была осиная талия. То же круглое личико и точеный нос, только кожа приобрела желтоватый оттенок.

— О! Кто к нам пожаловал! Наконец-то! — с улыбкой произнесла Юйцин.

Мяолуань кивнула, мол, да, и в самом деле, давно не виделась. Справилась о здоровье, пожала руку Юйцин и вошла в дом. Княгиня Цзинь в это время в главных покоях вместе со служанками укладывала вещи. Увидев у дверей коленапреклоненную Мяолуань, она спросила, зачем та пришла. Мяолуань снова поклонилась и, вымолвив: «Госпожа», разрыдалась. После смерти старой княгини Мяолуань и Сюфэн отправили домой, но Бэйинь не унимался — он пригласил брата Мяолуань, щедро его одарил и, назначив день свадьбы, велел привести сестру. Не помня себя от радости, брат вернулся домой, показал Мяолуань дары и все рассказал. Некому было защитить сироту — мать Мяолуань давно умерла. Девушка в гневе схватила драгоценности, расшвыряла по полу и, плача, заявила брату, что никогда не станет наложницей Бэйиня. Однако невестка, жена брата, не забыла обиду, нанесенную ей в свое время Мяолуань, и принялась уговаривать мужа отдать девушку насильно. Брат, человек безвольный, послушался жену и стал поучать Мяолуань:

— Если нет отца, девушка должна повиноваться старшему брату. Ей, видите ли, не хочется быть госпожой! Кого же ты ждешь? Принца? Да и кому нужен увядший цветок? Коляска готова. Давай отвезу тебя! А не поедешь, свяжу! Посмотрим тогда, как ты заговоришь.

Мяолуань стояла, опустив голову, и молчала. Потом, отчаявшись, пошла в соседнюю комнату, взяла платок и привязала к балке. Брат, услышав шорох, заподозрил неладное, вошел следом и вынул сестру из петли. Не должен человек умирать, пока не настал его час. Мяолуань пришла в себя и снова принялась горько плакать. Брат, опасаясь, как бы она и в самом деле не покончила с собой, отступился.

Слуге, посланному Бэйинем, сказали, что надо повременить, поскольку еще не прошло двадцати семи месяцев со дня кончины старой госпожи. Бэйинь ждал. Но время летит с быстротой стрелы, и незаметно минуло два года. На какие только хитрости ни шли брат и его жена, чтобы уговорить девушку. Мяолуань уже потеряла всякую надежду на спасение, как вдруг услышала о том, что княгиня Цзинь собирается на юг, и возблагодарила Небо. Теперь она спасена. И вот Мяолуань появилась во дворце Преданных и Верных.

Девушка поведала княгине о своем горе и принялась ее умолять:

— Спасите меня! Старая госпожа скончалась и теперь я — ваша рабыня! Ни за что не соглашусь пойти в этот ад. Возьмите меня с собой на юг. Я буду верно служить вам!

Княгиня не знала, как поступить, и сказала:

— Попроси ты меня о чем-нибудь другом, возможно, я бы тебе помогла, но это дело может решить только князь. А его сейчас нет.

Мяоуань, вся в слезах, продолжала:

— Не бойтесь, госпожа, господин не рассердится. Я все ему сама расскажу. А не возьмете меня, я умру. Другого выхода нет.

Но ни мольбы, ни слезы не помогли. Княгиня не хотела ссориться с Бэйинем. Девушка все поняла, вытерла слезы и вышла.

Юйцин и Фушоу, жалея Мяоуань, решили сами просить за нее княгиню. В это время служанка объявила, что княгиня вышла из своих покоев и сейчас будет здесь. Мяоуань поспешила уйти. Уже за воротами ее догнали Юйцин и Фушоу, взяли за руки:

— Сестрица, куда ты?

Роня слезы, Мяоуань ответила:

— Все кончено. Не расстраивайтесь, сестрицы. Своими разговорами я вас только заставлю страдать. — Мяоуань закрыла лицо рукавом и не переставала всхлипывать. Подружки тоже заплакали.

— Пусть тебе сейчас тяжело, — принялись они ее уговаривать, — наступят лучшие времена.

— Не надо меня уговаривать. Мне хоть голову оторвите. Я как задумала, так и сделаю. Теперь мы уже в будущей жизни встретимся, — сказала Мяоуань и пошла не оглядываясь.

Настало время ехать. Проводить княгиню пришли родные, знакомые. Бэйинь с сыном и их жены ждали на берегу. Княгиня помолилась в домашнем храме предков, отдала последние распоряжения старшим управляющим и вместе со служанками села в коляску. Подъехали к реке и стали прощаться. Княгиня всплакнула, отдала еще какие-то распоряжения и села наконец в лодку. Снаряжено было пять больших лодок. В одну из них, самую большую, погрузили вещи. На веслах сидели крестьяне из тридцати дворов. Пальнула пушка, и лодки стали отходить от берега. Через несколько дней путники прибыли в Цзиань. Здесь неподалеку жила княгиня Бэнь.

— Дом младшей госпожи довольно близко, в западной стороне, — сказал Гао Чжэнь, — его называют поместье Сихэ. Как далеко оно от реки, не знаю. Мы ездили обычно по суше.

Слугам велено было все разузнать. Вернувшись, они сказали, что езды здесь не более двадцати ли. Тогда княгиня распорядилась приготовить паланкин и, взяв Фушоу, Юйцин и еще крестьян из десяти дворов, направилась в сторону Сихэ.

Надобно вам сказать, что когда княгиня Бэнь вернулась с дочерью Шэнжу от князя Бэня, додившегося ей братом, дома все было благополучно. И вдруг от Цифу приехали сватать Шэнжу за Ци Хуайюя, старшего брата Ци Пуюя. Княгине Бэнь не хотелось отдавать дочь родственникам, но они посоветовались с мужем и решили дать согласие.

Ци Хуайюя выехал на обряд сватовства, но в пути неожиданно заболел. Родителям ничего не оставалось, как поселить Шэнжу в другом доме. В дом жениха Шэнжу сопровождали младший брат Мэн-

жуй и один дальний родственник. Отменить свадьбу было уже невозможно, поэтому, совершив обряд, они безропотно вернулись обратно.

Быть может, обряд взволновал Ци Хуайюя, но состояние его вдруг резко ухудшилось, началось кровохарканье. Бедняжка Шэнжу целыми днями сидела взаперти, рядом не было ни одной родной души. Как новая невестка, она лишнего шагу не могла ступить в этом доме.

Ци Пуюй очень походил на своего брата Бэня, только был вспыльчив, груб и несдержан. Когда брат заболел, Ци Пуюй сказал родителям:

— Если хотите, чтобы брат поправился, пусть невестка за ним ухаживает. Она жена, а не гостья.

Родители согласились и велели Шэнжу неотлучно находиться у постели больного. Пришлось девушке повиноваться. Стоило Ци Хуайюю увидеть прекрасную, словно драгоценный лотос, девушку, как он почувствовал жгучую обиду — ведь он никогда не сможет обладать ею. Он был не в силах вымолвить даже слово — только держал ее за руку и рыдал. Одной ногой он уже был в могиле. Тяжко было рядом с ним находиться. Шэнжу казалось, будто она в аду. Она молча сидела, низко опустив голову. Княгиня Цинь старалась, как могла, облегчить участь сына.

— Сынок, не убивайся так, — говорила мать, — скоро поправишься. Невестка не отходит от тебя ни днем, ни ночью, как и положено верной жене.

Она высвободила руку Шэнжу, которую он лихорадочно сжимал. На мгновение лицо больного озарилось радостью, но его тут же исказила гримаса, глаза закатились, ноги похолодели и несчастный отошел в мир Шамбалы. Нет нужды описывать скорбь, охватившую всех после кончины любимого сына. Шэнжу, следуя обычаю, облачилась в траур и провела у гроба покойного день, после чего его похоронили.

Шэнжу выросла в роскоши, ее берегли, как чистый нефрит, как нежный цветок. Поэтому ей было особенно горько и тяжело в столь юном возрасте овдоветь! Но расплата за грехи в прежних рождениях неизбежна!

Услышав о случившемся, княгиня Бэнь, успевшая за это время потерять мужа, приехала во дворец Ци. Она глубоко переживала несчастье дочери. Но когда узнала, что женой Шэнжу не успела стать, осторожно дала понять княгине Ци, что увезет дочь и служанок, а калым за невесту будет возвращен. Княгиня Ци не возражала — ведь они были близкими родственниками.

Согласно обычаю, девушка пробыла в доме Ци около года, и княгиня относилась к ней как к родной дочери, да и все остальные любили Шэнжу. И теперь, когда настала пора прощаться с этим домом, сердце ее сжалось от тоски. Она уткнулась лицом в колени княгини и горько заплакала:

— Я всегда буду помнить Вашу любовь, госпожа, и почитать Вас, словно родную мать, — говорила она сквозь слезы, — но моя мать уже немолода, и я не могу оставить ее и брата-сироту. Три года я буду носить траур по вашему сыну.

Княгиня Ци, которая в сопровождении мужа, опираясь на палку, вышла проводить Шэнжу, тоже заплакала. Ци Пуюй с трудом увел Шэнжу и посадил в коляску.

Вот первое возмездие за то, что Шэнжу, находясь среди небесных дев, в своей прошлой жизни зло подшучивала и насмехалась над другими.

Муж княгини Бэнь служил чиновником, отличался честностью, жил по средствам и не стремился к выгоде. Дом был бедным, доходы скудными. После его кончины осталось много долгов, да и на похороны пришлось потратиться. Опять же потребовались деньги на свадьбу Шэнжу. А по ее возвращении домой надо было покупать все, начиная с одежды. Новый чиновник, присланный на место покойного князя, выселил его семью из дома. Вернуться на родину не хватало средств. Пришлось снять небольшой крестьянский домик и там поселиться.

Нужда их не покидала. На жизнь не хватало. К счастью, их бывший управляющий Ду Цзинчжун, по прозвищу Рябой, человек честный и преданный, часто их выручал.

Однажды в пятом месяце по лунному календарю во время праздника начала лета, когда пришло время уплаты долгов, явились кредиторы — торговец шелком Вэй, торговец вином У Ляндин и ростовщик Ван Лаоси. Все трое расположились в гостиной. Но управляющий, увидев их, не двинулся с места. К нему подошел Ван Лаоси, хлопнул по плечу и попросил:

— Пойди, доложи о нас.

— Подождите, — отвечал Рябой Ду, — скоро младший господин вернется из школы.

Ван вышел на улицу, постоял там немного, вернулся, взял за руку Ду и сказал:

— Уважаемый, я приехал издалека. Пойди, доложи госпоже.

Ду рассердился:

— Доложу я или не доложу, не все ли равно! Отдадим мы вам долг, зачем суетиться?

Тут Ван не выдержал и закричал:

— Утром приедешь — рано, вечером — поздно. Только и слышишь: «госпожа», «барышня». Вам лишь бы долг не платить. В горах Шаньси живут честные люди. Отдавайте деньги и все! Нечего мне зубы заговаривать.

— Наша усадьба — не место для скандалов. Вон отсюда! — потребовал Ду.

Ван Лаоси, придя в ярость, вскочил и, тыча в грудь себе большим пальцем, заорал:

— Я никого не боюсь! Что значит вон? Кому ты угрожаешь? Ведь я, рабская твоя душа, могу и старосте на тебя пожаловаться. Он найдет на тебя управу. А то ты нам все грозишь управой. Есть чиновник, есть и управа. Нет его, и управы нет. А нам надо долг получить. Будь здесь чиновник, решилось бы все по-другому. Не пойдешь ли ты сам вон отсюда?

Тут Ду, не помня себя, замахнулся на Лаоси кнутом:

— Ах ты, черепашие отродье! Кого ты рабом называешь? Я хоть и раб, но служу своим хозяевам. А ты, безродный ван, кому служишь, хотел бы я знать?

Он запрыгал, замахал руками. Вмешались торговец шелком и торговец вином, но унять стариков было невозможно. Прибежал Мэнжуй, увидел, какой поднялся скандал и заплакал от страха. Между тем слуги Мэнжуя тоже вступили в перепалку. Того и гляди могла завязаться драка. Но тут в комнату вошли двое. В легких шапках с лентами, тонких рубашках из синего шелка, охотничьих куртках, шелковых туфлях. У обоих были огниво и нож, а на поясе — расшитый кошелек. Это оказались управляющие князя Бэня. Они принесли весточку от княгини Ци. Рябой Ду, бывавший в усадьбе Бэнь, сразу узнал их и поздоровался с ними за руку. Кредиторы, увидев таких важных, хорошо одетых людей, разбежались. Приезд родственников в эту трудную минуту был для княгини Бэнь равен небесной милости. В доме начались приготовления к приему дорогих гостей. Мэнжуй по распоряжению княгини в сопровождении слуги отправился верхом встретить родственников. Дом тщательно убрали, привели в полный порядок. И вот коляска княгини Цзинь подъехала к усадьбе, проехала через главные ворота и остановилась у двухэтажного домика. Княгиня вышла из коляски, навстречу ей бросились Шэнжу и Мэнжуй, радости не было конца. Увидев, в какое запустение пришла усадьба, княгиня Цзинь с трудом сдержала слезы, но заставила себя улыбнуться и, обняв одной рукой Мэнжуя, другой — Шэнжу, пошла с ними к дому. Для княгини Бэнь приезд родственницы был как ливень в засуху, да и княгиня Цзинь обрадовалась встрече с близкими. Растрогавшись, обе женщины долго плакали и никак не могли начать разговор. Княгине Цзинь стало не по себе, когда она заметила, что Шэнжу в трауре. Но она не подала виду, решив сначала расспросить о делах. Княгиня Бэнь обо всем подробно рассказала. В ответ княгиня Цзинь со вздохом произнесла:

— Времена меняются, жить становится все труднее. В каждом доме свои неприятности.

Она, в свою очередь, рассказала, что Шицин отдали замуж, что князь Бэнь по приказу государя едет на службу в Ханчжоу, ну и, конечно, зашел разговор о смерти старой княгини. Тут княгиня Бэнь не смогла сдержать слез. Княгиня Цзинь между тем украдкой рассматривала Шэнжу. Ее прекрасное, как нефрит, лицо округлилось, щеки порозовели. Особенно выделялись губы, красные, как арбузная мякоть. Брови, словно молодой месяц, изогнуты. Глаза темные, будто осенние волны. Причесана и одета она была как замужняя женщина, но как девушка по-прежнему целомудренна и чиста. Ароматные масла делали кожу более свежей и белой, Шэнжу была хороша и нежна, словно неоперившийся птенец. Древние говорили: «Узнаешь по цвету, созрел ли плод».

Княгиня Цзинь добрых полчаса рассматривала племянницу, после чего повела речь о ее несчастии-

вом замужестве. Княгиня Бэнь обо всем рассказала и со вздохом произнесла:

— Бедная девочка, еще не успев стать женой, осталась вдовой. На глаза Шэнжу набегали слезы, и она под каким-то предлогом вышла. Вскоре Ду внес в комнату накрытый стол, и когда все выпили вина, княгиня Бэнь обратилась к княгине Цзинь:

— Ваш Пуюй уже давно овдовел. Еще не сосватали ему невесту?

— Мальчик стал совсем взрослым, научился разбираться в жизни. Отец говорит, что он сам может выбрать себе жену. Но Пуюй пока ничего не решил.

Княгиня Бэнь снова вздохнула:

— Как странно у наших детей сложилась судьба! Оба остались одиноки, видно, не суждено им было соединиться. Не poznали они счастья.

Княгиня Цзинь между тем подумала: «Госпожа Бэнь не забыла о своем давнишнем желании. Остальные племянницы все устроены. А ведь старая княгиня и князь Бэнь хотели женить Пуюя на одной из девочек. Шэнжу хороша собой и умна. Даже после постигнутого ее горя не изменилась. Просто грешно не попытаться счастья. Тогда и душа покойной госпожи возрадуется, да и князь возражать не станет. Пуюй утешится в своем горе, а я на старости лет обрету покой и опору». Она позвала Шэнжу. Посмотрела в календарь. Следующий день был подходящим для сватовства. Княгиня Бэнь догадалась о намерениях гостыи, и радость ее была безмерна. Всю ночь женщины обсуждали предстоящее сватовство.

На другое утро поднялись рано. Княгиня Цзинь велела своим управляющим договориться с Ду Цзиньчжуном о подарках. Затем взяла у Юйцин хадак и, вручив его княгине Бэнь, попросила руки Шэнжу.

Для Шэнжу это было неожиданностью. Она зарделась и убежала. Княгиня приняла хадак и с улыбкой проговорила:

— О себе я не думаю. Жизнь уже позади. Главное, чтобы дочь была счастлива. Но неизвестно, как

к этому отнесется Пуюй. Ведь Шэнжу некоторое время жила в чужом доме.

Княгиня Цзинь улыбнулась:

— Нашим детям не посчастливилось, они будут рады соединиться. Рад будет и князь. Так что беспокоиться не о чем.

Обе женщины, очень довольные, рассмеялись.

Пришли служанки, сказали княгине Бэнь, что управляющие обо всем договорились и ждут ее. Княгиня Бэнь поспешила уйти. Управляющий княгини Цзинь доложил:

— Калым мы договорились взять такой же, как за барышню Дэцин. А вот с деньгами не знаем как быть. Госпожа Бэнь в затруднительном положении. Пятьсот лянов за невесту лучше отдать прямо сейчас, не дожидаясь свадьбы.

Княгиня Цзинь кивнула головой в знак согласия, велела управляющим ехать к реке, сказать, чтобы Гун Гао взял у наложницы У пятьсот лянов и привез сюда. А княгиня Бэнь пригласила гостей к обеду. Когда сели за стол, княгиня Цзинь предложила свояченице с дочерью ехать вместе с ней до Сучжоу, родины княгини Бэнь.

— Я бы рада поехать, — ответила княгиня Бэнь, — но до осени не могу. Надо расплатиться с долгами и взять прах покойного мужа.

Тем временем вернулся управляющий. Он привез деньги и отдал Ду. Коляски и паланкин уже были готовы. Настало время прощаться.

Напрасно просила княгиня Бэнь родственницу еще погостить. Княгиня Цзинь договорилась о дне встречи и села в паланкин. Провожая ее, княгиня Бэнь не могла сдержать слез. Зато управляющий Ду сиял от радости. Княгиня Цзинь видела, как в две красные корзины он положил десять свертков — свадебные подарки.

Не будем рассказывать о том, как воцарились в доме Шэнжу покой и радость.

Княгиня Цзинь вернулась на берег, и через несколько дней путники приплыли в уезд Цзинань провинции Шаньдун. Лодки летели как на крыльях.

Глава четвертая

*Птицы поют не смолкая. Долгое чувство у Пуюя.
Оскорбляют цветок. Короток ум Шу, феи реки Сяо.*

Итак, путники приплыли в провинцию Шаньдун и теперь направлялись к Хуанхэ. Вдруг моряки заметили вдалеке лодки — это были лодки господина Бэня. Вскоре стала видна на древке флага деревянная табличка с надписью — знак лодки чиновника. На табличке было написано: «Титулованный чиновник Бэнь, бывший управляющий соляными копиями в Чжэцзяне». Не успел Гао Чжэнь подплыть к лодке князя Бэня, как послышался голос Ма Чжу:

— Господин Гао, почему вы так задержались? Мы давно ждем.

Оказывается, лодка Бэня пришла сюда еще несколько дней назад. Гао Чжэнь быстро перешел в лодку князя Бэня и приветствовал Ма Чжу, после чего они пошли в каюту. Князь, в свою очередь, тоже поинтересовался, почему они так долго плыли.

Гао Чжэнь опустил на колени и объяснил, что они пробыли целый день в Сихэ. Да еще ветер не был попутным.

— Возвращайся и скажи госпоже, чтобы осталась на месте и ждали нас, — приказал князь.

Прошло много времени, прежде чем князь Бэнь наконец перешел в лодку к жене, где его встретили

княгиня Цзинь и госпожа У. После взаимных приветствий они все вместе вошли в каюту, и супруги поведали друг другу о том, что произошло за время их долгой разлуки. Вскоре перед родителями, одетый во все нарядное, предстал Пуюй.

При виде сына сердце княгини исполнилось радости. На Пуюе была шапка, украшенная драгоценностями и павлиньим пером, и длинный халат, подбитый барсом. В этом наряде он казался еще красивее. Княгиня Цзинь и наложница У не могли на него наглядеться, и слезы умиления катились по их щекам. «Как была бы счастлива почтенная госпожа, если бы могла сейчас увидеть Пуюя!» — вскричали женщины в один голос. На глаза князя навернулись слезы — он до сих пор тосковал по матери.

За ужином княгиня Цзинь рассказала, что семья Мэн пришла в полный упадок, живет бедно и что она на свой страх и риск посватала Шэнжу за Пуюя. Князь Бэнь со вздохом обратился к жене и сыну:

— Как вы решите, так и будет, я ничего не могу сказать. — С этими словами он удалился на свою лодку. Спустя немного за князем последовал и Пуюй. Фушоу, которую он встретил, сказала, что очень рада за него.

Пуюй благодарно улыбнулся ей и промолвил:

— Все в мире случайно. Чего не ждешь, о чем и не мечтаешь, то сбывается.

Незаметно наступила ночь, но как она прошла, мы рассказывать не будем.

Утром, в пятую стражу, лодки взяли курс на юго-восток и дошли до реки Янцзы. Наступила пятая луна. Было жарко, безветренно, в небе ни облачка. Лодки легко скользили по течению и вскоре достигли Цзинани, главного города провинции Шаньдун. В Цзинани жила Циньмо, которую отдали замуж за Суна, сына начальника уезда. Княгиня Цзинь велела Пуюю навестить Циньмо и передать ей подарки, чтобы потом, когда они прибудут в Чжэцзян, передать от Циньмо весточку княгине Гу.

Стояла нестерпимая жара, как обычно бывает перед дождем. И вскоре хлынул ливень, его крупные капли взбудоражили речную гладь. Это была редкой красоты картина. Дождь вскоре кончился, и поднялся сильный ветер, вздымая волны. Лодочники, не в силах противостоять стихии, направили лодку, которую бросало, словно щепку, в малый приток.

Тем временем Пуюй и Ма Чжу наняли два маленьких паланкина и прошли через западные городские ворота.

Ма Чжу справился в управлении южных провинций и узнал, что Сун Тао как раз находится здесь. За вознаграждение чиновники выполнили просьбу Ма Чжу и велели прислужникам провести его и Пуюя в кабинет. Убранство кабинета было простым и скромным. Напротив дверей стоял стол, на нем статуэтка Гуаньинь и календарь. Слева на стене — картина с изображением восьми бессмертных, переплывающих море. Справа — портрет Чжун Куя, выполненный цветной тушью, по обеим его сторонам на красной глянцевой бумаге — парные надписи:

Пусть богатство, как вода, снова и снова приходит.
Пусть сокровища, как горы, громоздятся.

В доме стоял какой-то тошнотворный запах: вряд ли это воскуривали благовония. Ма Чжу палкой вытаскил из-под стола толстые носки и бросил в другую комнату.

Увидев это, Пуюй подумал о том, каково здесь живет сестрице Цинь. В этот момент появился Сун Иньмэй, горбатый, с кривыми ногами и безобразными ушами — настоящий урод.

Они поздоровались, сели. Сун Иньмэй произнес, заикаясь:

— Я рад вашему приходу. Но не ждал вас и поэтому не встретил.

— В вашем городе мы проездом и решили провести двоюродную сестрицу — она переехала сюда, когда вышла замуж. Мы виноваты, что доставили вам хлопоты.

— Я, я, я не знаю, — ответил Сун Иньмэй, — почему, но, но, но сестра твоя отказалась выйти к тебе, как я ее ни упрашивал.

— Может быть, ей нездоровится, тогда я в другой раз зайду, — промолвил Пуюй и встал, намереваясь уйти, но Сун Иньмэй его остановил:

— По-по-подожди. Ты же хочешь с ней повидаться. Я снова пойду попрошу. — И он удалился, шаркая и кряхтя.

Пуюй был хмур и не переставая вздыхал. Вскоре Сун Иньмэй появился снова и жестом пригласил Пуюя войти. Пуюй, сдерживая рыдания, последовал за ним. У дверей остановился и с возгласом: «Сестрица!» — вошел.

Сун Иньмэй едва плелся и пропустил Пуюя вперед. Как только Пуюй вошел, Циньмо опустилась на колени. Пуюй вздрогнул и тоже опустился на колени. Что же он увидел? Широкое лицо, мясистый подбородок, толстый нос. Перед ним была Пинсяо. Пуюй едва не вскрикнул, но Пинсяо замахала на него руками, а потом расплакалась. Сун с трудом забрался на галерею, но не успел войти, как слуга сообщил, что приехали гости и его зовут. Нехотя Сун покинул комнату. На вопрос Пуюя, где Циньмо, Пинсяо, обливаясь слезами, проговорила:

— Господин, вы опять спрашиваете о барышне?! Что ж, усаживайтесь поудобнее, я расскажу все, как было.

Послушай и ты, уважаемый читатель. История эта долгая, поведаю тебе ее с самого начала до конца.

Вернемся теперь на два года назад к тем событиям, с которых и начинается наша история. Возвратившись от Бэней, госпожа На застала дочь в плохом состоянии, и вскоре Лумэй отправили лечиться на воды. А пока девушки не было дома, отец успел сосватать ее за богатого купца Чжу Ина. Лумэй пришла в отчаянье от такого известия. Но госпожа На, прельстившись богатствами жениха, слышать ничего не хотела и уговорила мужа принять свадебные подарки. А жених, надо вам сказать, был до того безобразен, что вызывал у окружающих смех. Однако

госпожа На рассудила по-своему: мужчине красота ни к чему. Дело было слажено.

Как-то весной в яркий солнечный день, когда распускались цветы, пели птицы, шелестели листья, Лумэй сидела и шила. Вдруг ее стало клонить ко сну. Она отложила шитье и взялась за книгу. Но тут на нее нахлынули грустные воспоминания. Лумэй встала и пошла искать Циньмо, чтобы сыграть с ней партию в шахматы. Увидев Лумэй, Жуйхун рассмеялась и откинула дверную занавеску. Недоумеваемая, Лумэй вошла в дом.

В прихожей у окна сидела Циньмо и что-то рисовала.

— Сестрица, ты настоящая художница, — с улыбкой проговорила Лумэй, — сразу видно, что училась у Пуоя.

Циньмо обернулась, бросила кисть и стала хохотать. Лумэй подошла ближе и увидела на рисунке человека с торчащими во все стороны волосами, кривым ртом и горбатой спиной.

Лумэй рассмеялась:

— Сестрица, рисовала бы что-нибудь путное. А это что за чудище?

Циньмо от смеха не могла слова произнести. Вошла Пинсяо, увидела Лумэй и тоже стала смеяться, расплескав чай, который несла.

Лумэй ничего не понимала, ей было обидно, но глядя на них, тоже хотелось смеяться. Тут вошла Хуамэй, увидела нарисованную Циньмо физиономию, сразу догадалась, что это торговец Чжу, и перевела взгляд на растерянную Лумэй. Жуйхун между тем велела Лумэй взять у Пинсяо чашку и поставить рядом с рисунком. Циньмо изнемогала от хохота. Тут Хуамэй, видя, что над ее госпожой насмеются, не выдержала, схватила рисунок, изорвала на мелкие кусочки, швырнула в лицо Пинсяо и крикнула:

— Возьми, будет тебе вместо мужа. Повесишь на стенку и утром и вечером станешь возжигать перед ним благовония! Нашла над кем насмеяться!

Тут рассердилась Пинсяо и, переменявшись в лице, напустилась на Хуамэй;

— Хорошо! Нечего сказать. Обиделась за своего господина? Можешь защищать его сколько угодно, но кто тебе позволил рвать рисунок нашей барышни?

— Какого еще господина? Может, твоего? — продолжала бушевать Хуамэй. — Твоего?

Тут Лумэй, наконец, стала догадываться, в чем дело, и толкнула в бок Хуамэй, чтобы та замолчала, хотя сама еле сдерживала гнев.

— Что ты так разошлась? — дернув служанку за руку, промолвила Лумэй. — Пусть рисуют, что хотят. Тебя это не касается!

И они обе вышли из комнаты. Циньмо уже раскаивалась, что все так получилось, и начала бранить Пинсяо, выместив на ней свою досаду. Дома Лумэй обо всем подробно расспросила служанку, и та со слезами на глазах принялась объяснять. Слушая, Лумэй сама чуть не плакала.

— Они думают, если жених молодой, вам ровесник, можно его полюбить. А что он черта страшнее, того не понимают, — добавила Хуамэй.

— У каждого своя судьба, — ответила Лумэй, — что тут толковать?

С того дня бедняжка Лумэй перестала есть и пить, несколько раз пыталась покончить с собой. Но Хуамэй ее сдерживала, обещала что-нибудь придумать. И вот однажды служанки сообщили, что приехал отец Хуамэй и хочет ее видеть.

Еще маленькую Хуамэй продали за долги во дворец Цзинь. Отцу ее Лотину было под семьдесят, и, продав единственную дочь, он стал жить тем, что перегонял лошадей. Несмотря на свой преклонный возраст, он не уступил бы любому храбрецу в силе. И вот однажды по пути из Цзинани на север старик решил навестить дочь. Нет слов, чтобы описать радость их встречи. Сколько было пролито слез! Отец заметил, как выросла и похорошела дочь, вот только в глазах ее была печаль. Отец спросил, что случилось. Наконец-то Хуамэй смогла излить душу, она бросилась отцу на грудь, все рассказала и разрыдалась. Оказывается, Хуамэй не раз наказывали из-за Лумэй.

Лотин слушал дочь, и от ужаса и гнева его седая, словно серебряная, борода встала торчком, глаза, прекрасные, как звезды, широко раскрылись. Он решил во что бы то ни стало помочь дочери.

— Не бойся, дочь моя, — промолвил он, нахмурив брови. — Я знаю, что делать. — Он наклонился к дочери и прошептал ей что-то на ухо. План старика показался Хуамэй вполне пригодным, она только боялась, что скромная, стыдливая Лумэй не согласится. Хуамэй обо всем договорилась с отцом, и он, проводив дочь, заторопился в дорогу.

Как только Хуамэй вернулась, Лумэй сказала:

— Ты обещала что-нибудь придумать!

— Есть один способ, но барышня, пожалуй не согласится, — ответила Хуамэй.

Отец ее приехал через несколько дней и привез узел. Вечером в укромном месте Хуамэй его развязала. К ней подошла Лумэй. В узле оказалось два мужских халата, две пары сапог и две шапки: одна для слуги, вторая для чиновника. Лумэй с удивлением спросила, что все это значит. Хуамэй, лукаво улыбувшись, сказала, что это вещи, которые оставались у них в доме, и теперь отец их принес.

Стрелой мчались дни и месяцы. В первой половине третьей луны из поместья Утян пришли сваты договариваться о свадьбе. Выбрали второй день четвертой луны. Княгиня На то и дело наказывала Хуамэй получше ухаживать за барышней, готовить ее к торжеству. Мольбы и слезы Лумэй были напрасны, мать слушать ничего не хотела. И вот Лумэй снова завела разговор с Хуамэй о том, как покончить с собой. Иного выхода не было.

— Лучше всего повеситься, тогда, по крайней мере, тело останется, — сказала Хуамэй, — но как это сделать, если тетушки и нянюшки следят за нами больше, чем за ворами. Нет, дома ничего не получится. Как только они уснут, надо выйти во двор, там восемь колодцев, и утопиться.

Лумэй кивнула, и девушки решили осуществить свой план в ночь па двадцатое.

Вечером того дня Лумэй напоила вином нянюшек и всех служанок, а когда они улеглись, потихоньку встала, вышла в прихожую и увидела Хуамэй, переодетую во все мужское. Костюм был ей к лицу. На голове белая войлочная шапка, отороченная мехом. В руках — узелок. Пораженная Лумэй тихонько спросила;

— Что это ты так разоделась?

— Это вещи, которые привез отец. По-моему, в будущем перерождении лучше явиться в мужском обличье. Я ведь вслед за барышней отправлюсь в мир иной. А отец хочет, чтобы в следующем рождении я стала мужчиной.

Услышав эти слова, Лумэй горько заплакала.

Девушки тихонько прошли через комнату, вышли во двор, открыли калитку, подошли к стене, окружавшей дом.

Луна еще не взошла, и темневшие вокруг деревья вселяли страх. В саду давно уже никто не жил, с тех пор, как произошло несколько несчастных случаев кряду. Бедняжка Лумэй даже в лунные ночи не выходила из дому без служанки, которая несла фонарь. И сейчас ее охватил страх и предчувствие смерти. Из глаз подобно осеннему ливню хлынули слезы. Мрачные мысли заволокли душу, как черные тучи — южные горы. Вдруг в темноте раздался резкий свист.

— Ой, барышня! Это дьявол свистит, — вскрикнула Хуамэй. Не дрогнула Лумэй, не оглянувшись, нахмурила тонкие брови, стиснула белые, как серебро зубы, подобрала подол и побежала к восьми колодцам.

А надобно вам сказать, что именно в ночь на двадцатое Хуамэй договорилась о встрече с отцом, и он свистом подал ей знак, стоя по другую сторону стены. Хуамэй в ответ тихонько хлопнула в ладоши, побежала за Лумэй и взяла ее за руку.

— Барышня, вы и в самом деле хотите умереть?

— А по-моему, лучше всю жизнь мучиться? Хуамэй опустила на колени и ответила:

— Нет, барышня, только я слышала, что в древности одни, умирая, становились тяжелыми, словно гора Тайшань, а другие — легкими, будто перышко. А вам как хочется умереть — легкой смертью или тяжелой?

Лумэй, закрыв глаза, проговорила:

— Раздумывать некогда. Но разве ты желаешь мне тяжелой смерти?!

Тут Хуамэй призналась:

— Я желаю, барышня, чтобы вы тоже переоделись в мужское, мы перелезем через стену, а там ждет отец с лошадьми. Уедем отсюда, начнем новую жизнь.

Лумэй переменялась в лице.

— Значит, ты хочешь, чтобы за свой грех и поруганную честь я в наказание скиталась по свету? Разве бегство благороднее смерти?

Хуамэй наперед знала, что скажет барышня, и умоляюще проговорила:

— Если вы и в самом деле решили умереть, выслушайте меня напоследок. Мой долг служить вам при жизни. Но никто не может меня заставить умереть вместе с вами. У каждого своя судьба. Я пойду искать другую жизнь, но смотреть, как вы умираете, не могу.

С этими словами она встала, намереваясь уйти. Лумэй спокойно выслушала и сказала:

— Я должна умереть. А ты поступай, как знаешь!

Хуамэй взяла Лумэй за руку и промолвила;

— Пусть так, но госпожа и служанка связаны на всю жизнь, у нас с вами одна судьба. Поэтому я раньше уйду, а уж потом вы бросайтесь в колодец.

Сказав так, Хуамэй перелезла через стену и села на коня. Лумэй бросила взгляд на человека, подхватившего Хуамэй на руки. Широкоплечий, могучего сложения, он очень напоминал одного из четырех хранителей Будды. Расставшись с верной служанкой, Лумэй зарыдала и вознесла мольбу к небу. Она подумала было вернуться домой, но вспомнила, что ее там ждет. Снова раздался голос Хуамэй:

— Барышня, умереть, по-вашему, благородно? А по-моему, не только не благородно, но большой грех — по трем причинам. Во-первых, вы — единственная дочь у матушки. Кто продолжит род, если вы умрете? Вы — единственная опора госпожи, кто утешит ее в старости? Во-вторых, тело ваше, как у святой, чисто и прозрачно, словно нефрит, но если вы броситесь в колодец, могут подумать, что вас осквернили, и будут бояться подойти близко. Вдобавок скажут, что вы не умны. А всех ваших служанок, начиная с Цюйюй, будут допрашивать, подозревать, обвинять. Вот так, совершив три греха сразу — против родителей, против рассудка, против тех, кто вам подчинялся, вы оскверните свое драгоценное тело, и тысячи поколений потомков не смоют ваш грех. Вот и подумайте, стоит ли умирать, не лучше ли вслед за своей верной служанкой пойти в другие края попытаться счастья и тем самым избежать беды, которая вот-вот обрушится на ваш дом.

Лумэй слушала ее и невольно думала о том, что лучше уехать, чем так бесславно умереть. Отчаяние и гнев терзали ее душу. Она вскрикнула и упала без памяти.

Поистине:

Словом можно разбудить спящего человека.

Кулаком можно протрезвить пьяного.

Хуамэй, увидев это, соскочила с коня, перелезла через стену и, пока Лумэй была в беспамятстве, переодела ее в мужское платье. Затем сняла один сапог, положила на край колодца, а Лумэй подтащила к стене. Лотин подхватил ее, помог перебраться через стену дочери, они сели на коней и тронулись в путь. К тому времени луна уже поднялась на три цзяна, и дорога хорошо просматривалась.

Разве не примечательно, что в «Одноэтажном павильоне» вы не встречались с такими яркими, как молния, героями. Там были нежные, словно яшма, благоухающие девушки.

Наутро первой поднялась Цюйюй и сразу заглянула в комнату Лумэй — кровать была пуста. Цюйюй выбежала из дома, но никого не увидела и заподозрила неладное. А тут еще недалеко от дома она увидела заколку своей барышни и завопила истошным голосом. Во двор выскочили мамки, няньки и

принялись искать Лумэй, но ее и след простыл. Пошли к госпоже На.

Госпожа еще не поднималась. Выслушав служанок, она закричала, подумав, что Лумэй уже нет в живых. Не спешите, уважаемый читатель. Если хотите узнать, что случилось дальше, прочтите следующую главу.

Глава пятая

*В восьмиугольной беседке сочиняют стихи, печалься о прошлом.
В храме Золотой горы бросаются в реку и находят новую судьбу.*

С большим трудом госпожу На успокоили. Она приказала слугам объехать все окрестные села — может быть, Лумэй с Хуамэй сбежали и прячутся там? Вдруг, обливаясь слезами, прибежала Цюйюй.

— Не надо искать. Барышня упала в колодец, — проговорила она.

— В какой? — княгиня вздрогнула.

Цюйюй сказала, что около западной стены.

Не помня себя, госпожа бросилась в сад. За ней госпожа Гу с Циньмо. Цюйюй показала, где нашла сапог. Госпожа На заглянула в колодец. Он казался бездонным. Стены снизу доверху были в острых камнях, между камнями разросся пустырник. Госпожа взглянула на сапог, затем на колодец — надежды никакой. Слово нож вонзился в сердце княгини.

— На кого ты меня покинула, одну-одинешеньку, — запричитала княгиня. — Что я, старая, буду без тебя делать? Бедное дитя мое! Это я довела тебя до смерти. Я во всем виновата, но тебе недолго ждть, я скоро приду.

И госпожа, не подобрав подол, бросилась к колодцу. Насилу удержали ее служанки.

Тут подошла Циньмо и сказала:

— Не плачь, тетушка. По-моему, Лумэй жива. Никто не снимает сапог, прежде чем броситься в колодец. Наверняка, это хитрость Хуамэй, она решила нас всех провести. А сестрица Лумэй еще мала, вот и доверилась ей. Надо все разузнать хорошенько, а потом уже отправляться на поиски.

Тут госпожа На вспомнила, как верно и преданно служила ее дочери Хуамэй, правда, несколько раз провинилась перед ней, госпожой На. Тут княгиня опять стала кричать, колотя себя в грудь:

— Девочка моя! Почему ты не подумала о своей старой матери? Бедной, несчастной и одинокой! Кто теперь приласкает меня? Кто будет мне опорой в старости?

Она кричала и плакала, как безумная. Все в доме знали доброту барышни Лу и очень жалели ее. Посланные на поиски слуги к вечеру вернулись ни с чем.

Вскоре приехал князь Цзинь. Он пошел к западной стене, обыскал все вокруг, рассмотрел все следы. Нашел в траве сережку Лумэй, а по другую сторону стены на мокром песке увидел следы конских копыт.

— Кто мог подумать, что случится такая беда! — горестно вскричал князь.

С того дня Лумэй перестали искать.

Однажды Циньмо, услышав, что тетушке На нездоровится, пошла ее проведать, но та своим разговором так расстроила ее, что она очень скоро ушла. По дороге она казнила себя, ведь не посмейся она тогда над Лумэй, ничего не случилось бы. Тем временем отец Циньмо получил от сватов семейства Сун Шаньян подарки, и Циньмо очень страдала. Она пошла к тому самому колодцу у западной стены и там вволю наплакалась, размышляя о том, что близкие люди несчастны в разлуке друг с другом.

Что теперь будет с ней? «Хоть я и счастливее Лумэй, но все равно мне больше не родиться на свет девушкой. А Лумэй лучше бы умереть, чем бежать, оставив по себе дурную славу».

А теперь расскажем о Чжу Ине, женихе Лумэй. Он ни за что не хотел отказаться от невесты, как его ни уговаривали. Поэтому пришлось господину Цзиньмо пойти на хитрость, как говорится, приклеить к дереву цветы — вместо дочери он отдал замуж Цюйюй. Сыграли свадьбу. В саду было тихо, безлюдно. Жуйхун пошла готовить чай. Инсяо — слушать музыку, и Циньмо сидела в одиночестве. Солнце зашло, стало темнеть. Циньмо решила вернуться в дом, но в этот момент откуда-то из глубины сада донесся плач. И столько в нем было безысходной тоски! Циньмо вздрогнула, спустилась с галереи и быстро зашагала к дому. Кто-то двинулся следом за ней. От страха Циньмо едва не потеряла сознание, но продолжала бежать, хотя было скользко. Вдруг мимо пролетело что-то белое, какое-то существо махало не то крыльями, не то руками. Холодный пот прошиб Циньмо. Добежав до дверей, она остановилась и услышала, как хихикают и шушукуются Пинсяо с Жуйхун.

«Входи!» — вдруг послышалось ей за спиной. Обернулась, никого нет, лишь собака шла следом за ней.

— А кто бежал впереди? — переведа дух, спросила Циньмо служанок. — Пойдите-ка посмотрите!

Волосы у девушек встали дыбом от страха, но они не посмели послушаться, подошли к старой сосне и увидели под ней что-то белое. Они с криком бросились наутек и налетели на старуху с фонарем, ко-

торая закрывала ворота, — старуха прибежала на шум. Вооружившись палкой, она вместе со служанками пошла к дереву, и они разглядели белого павлина, которого кормила Лумэй. Теперь, когда не стало барышни, Цюйюй считала это своей обязанностью. Но перед свадьбой Цюйюй была занята и к тому же все время плакала, поэтому ей было не до павлина. Вот он и бродил по саду в поисках пищи. А увидев Циньмо, принял ее за свою хозяйку и пошел следом. Циньмо же, уверенная, что это оборотень, бежала от павлина без оглядки. И сейчас ей так было жаль птицу. Она представила себе, как утром, вылетев из гнезда, павлин не нашел хозяйку, разволновалась, не стала ужинать и даже заболела.

Тетушка Гу целыми днями не отходила от Циньмо. А на другой стороне дома лежала в постели тетушка На. Она не переставая плакала и призывала смерть. С тех пор как прошел слух, что Лумэй бросилась в колодец, поговаривали, будто здесь бродит душа утопленницы и место это проклято. Стали часто болеть слуги, некоторые умирали. Кончилось тем, что господин Цзинь решил вернуться к себе на родину в Чжэцзян. В середине осени они уже были на переправе Нянцзя, сели в лодки и поплыли вниз по течению.

Тем временем золотой ветер развеял жару, нефритовые тени принесли прохладу. Шумели-плакали развесистые ивы, стрекотали кузнечики, и все это навевало осеннюю тоску. К счастью, и Циньмо, и тетушка На выздоровели, то ли от свежего воздуха — дышалось легко, то ли потому, что выбрались из проклятого места.

Князь Цзинь успокоился. Он плыл в головной лодке вместе со слугами, княгиня Гу и наложницы во второй, тетушка На, Циньмо и служанки — в третьей. Остальные слуги с чадами и домочадцами плыли рядом в маленьких лодках.

Стояло затишье. Но в середине второй недели подул сильный ветер, на лодках подняли паруса, и они легко заскользили по воде.

Незаметно приплыли к Янцзы и подошли к Шаньяну. Еще в прошлом месяце князь Цзинь отправил в Чжэцзян слугу, чтобы тот все приготовил к их приезду. Прибыв на место, слуга сообщил в уездное управление о скором прибытии князя Цзиня с семьей, и, точно вычислив, в какой день князь пожалует, встречать его отправили Суна. Но вперед выслан был плот. Тао решил пока не показывать сына — уж очень он безобразен.

Но ведь Сун, человек уважаемый, назначен на должность. Кроме того, не может же он без конца избегать встречи с родителями невесты. Однако, чтобы не усложнять дело, решили до времени жениха сватам не показывать.

Циньмо плыла в последней лодке и о случившемся ничего не знала. Когда лодки подошли к месту стоянки, она сидела у окна. На столике в вазе благоухали цветы коричневого дерева. Девушка любовалась ясным небом и чистой прозрачной водой. На душе было спокойно, болезнь прошла. Вдохновленная пре-

красными пейзажами, девушка сочинила много стихов. Жуйхун как раз набирала воду, когда с ними поравнялись две лодки.

— Барышня! — смеясь, воскликнула Пинсяо, показывая пальцем на одну из них, — взгляните на это чудище!

В лодке Циньмо увидела нарядно одетого человека, он стоял на коленях. И в самом деле чудище — не дерево, не камень, страшнее черта, хуже дьявола. Глядя на хохочущих служанок, Циньмо, которой вначале не хотелось смеяться, зажала рот рукой. А потом со вздохом произнесла:

— Ах! Поистине, мир удивителен, чего только не увидишь!

— Этот, пожалуй, не уступит жениху Лумэй, — проговорила Жуйхун. Пинсяо расхохоталась:

— Наверняка приходится тому сыном!

Смеясь, девушки по косточкам разобрали несчастного уroda — ничего не пропустили. Князь Цзинь содрогнулся, увидев жениха, вспомнив, что принял у сватов подарки. Жених между тем так и не поднялся с колен. Князь Цзинь был в отчаянии и, желая избежать встречи с ним, отправил к нему слугу и велел передать, что встретиться с ним не может, ибо в головной лодке находится прах матушки князя, и радость встречи будет омрачена. Пусть господин возвращается назад и поклонится отцу.

Итак, бедняга Сун, добрых полчаса простояв на коленях, вернулся ни с чем. Слуги помогли ему подняться, он с трудом разогнул горбатую спину и проковылял в комнату. А три накрытых стола слуги перенесли в лодки князя. Делать нечего, слуг пришлось наградить.

Пришло время ужинать, и тетушка На вернулась к себе в лодку. Циньмо и ее служанки все еще смеялись. Когда внесли столики с ужином, Пинсяо спросила:

— Что за лодки плывут рядом с нашими? Что там за чудище? — Одна из служанок, смешливая болтушка, произнесла:

— А вы не очень-то радуйтесь! Это чудище — наш суженый. Циньмо, которая только было поднесла палочки к чашке с рисом, похолодела, руки у нее задрожали, она едва не выронила чашку и побледнела.

Ужинать Циньмо отказалась, ушла и тихонько плакала в одиночестве. Жуйхун и Пинсяо тоже приуныли, им было уже не до смеха, слезы катились по их щекам. Циньмо поняла, что при жизни ей никак не избежать этой беды. Какая горькая у нее судьба! На ее чувства Пуюй не ответил. Она не может не отблагодарить родителей за все их благодеяния. Но что ей остается делать, если родители хотят бросить ее в этот ад. Единственный выход — смерть. Близкие ей люди поймут ее, ибо они знатоки человеческой души. Вот только жаль покидать родителей! Еще древние говорили: «Если родителям не жаль отдать при жизни свое чадо Эрлэг-хану, их не взволнует, что после смерти оно отправится в ад». «Хотя я знаю, что мама меня любит. Нарисую свой портрет, пусть смотрит, когда соскучится». Циньмо приготовила

краски и той же кистью, которой недавно изображала в смешном виде других, принялась рисовать себя.

А тем временем сын начальника уезда, негодуя, следовал за лодками князя Цзиня.

Итак, Циньмо достала из ящика краски, поставила на столик у окна, нашла большой лист бумаги, развернула, прижала уголки нефритовым зажимом, поставила перед собой хрустальное зеркало и села на стул. Жуйхун добавила в краски воды, растерла их. Циньмо взяла кисть и стала изучать в зеркале собственное лицо. Приколола к волосам золотую заколку в форме легкого облака. Девушка невольно залюбовалась тонким изгибом бровей, блестящими, как у птицы Гаруди, глазами, будто выточенным из нефрита носиком, яркими, как спелый персик, губами. Халат с узорами из драконов чуть-чуть приоткрыл нежные плечи и белые руки.

«Недаром в старину говорили, — с тоской подумала Циньмо, — что судьба красных, то есть девушек, несчастна. С какой радостью примут такую красоту волны речные? Родителям оставлю на память портрет. Правда, он их мало утешит, напротив, глядя на него, они будут еще больше страдать». И все же Циньмо принялась рисовать. Вот на бумаге появилось лицо. Потом брови вразлет, глаза, подобные водам осенним, красные губы, волосы на висках в виде облаков. Циньмо велела Пинсяю повыше поднять рисунок, а сама отошла и стала его разглядывать.

— Рисунок прекрасный, — заметила Жуйхун, — но ему далеко до природы, ведь красивее, чем вы, барышня, не сыщешь на свете.

— Все просто невозможно нарисовать. Чем же портрет отличается от меня? — спросила Циньмо.

— У вас розовее щеки и брови чуть ниже.

Циньмо поглядела в зеркало, потом на портрет. И в самом деле есть разница. Она скомкала лист и сбросила в воду.

— Ой, барышня! — всплеснула руками Жуйхун. — Зачем же выбрасывать? Ведь можно исправить.

— Нет, лучше я заново нарисую. Если мне самое себя не жаль, стану я беречь какой-то клочок бумаги!

И она снова принялась рисовать. На этот раз Циньмо выглядела на портрете, словно живая.

Закончив работу, Циньмо придирчиво ее оглядела, осталась довольна и спросила служанок, нравятся ли им. Девушки в один голос ответили:

— Вы тут как живая!

— Неужто я и впрямь так хороша? — с сомнением произнесла Циньмо.

— Вас от портрета не отличишь, разве что он не дышит, — заявила Пинсяю.

Циньмо положила рисунок на стол и, немного подумав, рядом написала стихи.

Не успела она отложить кисть, как из глаз дождем хлынули слезы. Хорошо, что Жуйхун вовремя схватила рисунок, намочила только нижняя часть листа, а сам портрет, к счастью, не пострадал. Циньмо опустила в кресло, закрыла лицо руками и плакала,

плакала. Бедняжка! Вот как обошлась с ней судьба! Но кто поймет ее страдания?

Тем временем лодки достигли ворот Хуачжоу, и князь Цзинь приказал остановиться.

Здесь, неподалеку, был его родной дом. А на правом берегу реки, возле города Янчжоу на горе Пин могила отца. Князь решил захоронить здесь и прах матери. На вершине горы стоял монастырь. Князь отправил туда слуг, чтобы заказали на следующий день тридцати шести монахам заупокойную молитву, а также приказал, едва стемнеет, зажечь на реке светильники. Сам он оставался в лодке, оберегал прах матери, а княгиню Гу попросил отправиться в монастырь помолиться и возжечь благовония. Рядом с головной лодкой поставили шалаш, а остальные четыре под громкий звон тарелок взяли курс на юго-запад. Вдруг хлынул ливень, завыл осенний ветер, в тумане гора едва виднелась. Слева от лодки госпожи Гуплыли госпожа На и Циньмо, справа — слуги. Ветер гнал по реке волны.

Госпожа На и Циньмо сидели у окна, глядя, как бурлит вода, то и дело меняя цвет, наконец она стала белой, как снег, от пенящихся волн. Лодки бросало из стороны в сторону, да с такой силой, что казалось иногда — горы остаются внизу. Тогда лодочники скрепили лодки все вместе и бросили якорь. Госпожа На молитвенно сложила ладони и промолвила:

— Мы, слава Всевышнему, живем во дворцах и не имеем понятия о том, какие беды приносит стихия.

Циньмо знала, что скоро ей предстоит отправиться в Чжэцзян, и ждала удобного случая, чтобы покончить с собой.

— Что значат для вселенной наши опасности и тревоги — сказала она. — В этих пенящихся волнах тот же мир лотосов.

— Ты права, — со вздохом промолвила госпожа На. У нее вдруг заныло сердце. — Где-то сейчас твоя сестричка Лумэй, в каком мире? Давай перейдем в лодку к младшей госпоже. В храме помолимся за упокой старой княгини, потом сочинишь стихи об этой реке. Согласна?

— Я предугадала ваше желание и уже сочинила стихи о верности и разлуке. Когда вернемся, покажу вам.

Княгиня На подумала, что Циньмо имеет в виду прощание с Лумэй, и в глазах у нее заблестели слезы. Вдвоем они отправились в среднюю лодку. Госпожа На сказала госпоже Гу, что собирается заказать молитву очищения в память о Лумэй. В доме последние дни было тревожно. От госпожи Гу не ускользнуло, что Циньмо очень изменилась — не ест, подурнела и все время плачет. И вот сейчас она решила пожурить дочь.

— Вас с Лумэй надо было просватать еще в детстве, прежде чем учить, — сердито произнесла она. — А то упрямятся, капризничают, пугают: «умру», «убегу». О родителях совершенно не думают. Ведь древние говорили: «Если муж петух, повинуйся петуху, если собака, подчиняйся собаке». И нечего

вам было изучать разные науки. Как же! Теперь вы все знаете — и что раньше было, и что сейчас, а что перед носом творится, не видите. Куда, к примеру, смотрели служанки? Чему учат четыре правила? Не понимаю, зачем тебе, госпожа, возносить молитвы о непокорной дочери? На твоём месте я не то что молитвы, рваной бумажки пожалела бы.

Госпожа На слушала молча, широко открыв глаза. Циньмо как ни в чём не бывало болтала, смеялась, посидела немного и вышла. Тетушка На сказала ей вслед:

— Подожди, я тебя догоню.

Но Циньмо уже была на мостике, переброшенном между лодками. Вдруг она взмахнула руками, словно собиралась взлететь. Стоявшая неподалеку старуха крикнула:

— Барышня! Мостик шаткий, иди осторожно!

— Вот и хорошо, — пробормотала Циньмо. П слышался всплеск воды.

Все, кто был в лодке, начиная от старых тетушек и служанок и кончая гребцами, стали кричать: «Спасите её, спасите!».

Тетушка На заголосила, протягивая руки к воде. Вся дрожа, выбежала княгиня Гу. Она умоляла людей спасти Циньмо, обещала большую награду. Управляющие подумали, что Циньмо попала под большую лодку, и стали отводить в сторону три остальные. Служанки плакали навзрыд. Княгиня Гу от горя словно окаменела, даже слезинки не выронила. Только умоляла лодочников спасти дочь.

Если хотите узнать, что случилось с Циньмо, прочтите следующую главу.

Перевод со старомонгольского Л. Г. Скородумовой